

РАФ

с клубничным сиропом

И

ТРУПНОЕ ОКОЧЕНЕНИЕ

иронический детектив

КРИМИНАЛИСТИКА
АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕКА
СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА
ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ

Е. ЛОГИКА
ЧУТЬ-ЧУТЬ
ХАОСА

ПРАВДА
ГДЕ-ТО
МЕЖДУ
СТРОК

ЖУРНАЛИСТИКА —
МОЁ ОРУЖИЕ

ЗАДАТЬ
НЕУДОБНЫЕ
ВОПРОСЫ

РАФ
С КЛУБНИЧНЫМ
СИРОПОМ

БУДУ
СПАСАТЬ
ЖИЗНИ
И РАСКРЫВАТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА

ТОКСИКОЛОГИЯ

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ
ФИЗИОЛОГИЯ

КОФЕ
ДЛЯ СИЛ,
МОЗГ
ДЛЯ ДЕЛА

ПЛАН
РАССЛЕДОВАНИЯ:

- ☒ КОФЕ
- ☒ ФАКТЫ
- ☒ МОТИВ
- ☒ АЛИБИ
- ☒ ТРУП

1

НЕ ВСЕ ТО,
ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Офира Римкевич

Раф с клубничным сиропом и трупное окоченение

<https://litres.ru/74321013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если твоё утро начинается с трупа председателя студсовета — считай, день не задался. Алиса Крошкина, бариста университетской кофейни, не планировала становиться детективом. Но когда Егорий Князев умирает с макаронами в рюкзаке и запахом цианида, а рядом оказывается её подруга-патологоанатом с нюхом на яды — расследование начинается само собой.

В кампусе пахнет не только кофе: старые тайны, подпольная лаборатория, ректор с язвой совести и интроверт-сосед с чёрными квадратами в тетради. А ещё — фотография двадцатилетней давности, которая меняет всё.

С иронией, цианидом и трёхлапым котом Трофимом, который знает больше, чем все свидетели вместе взятые.

Содержание

ГЛАВА 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Офира Римкевич

Раф с клубничным сиропом и трупное окоченение

ГЛАВА 1

*В которой раф с клубничным сиропом
оказывается последним нормальным напитком в
моей жизни.*

Если бы я знала, что утро понедельника начнется с трупа, я бы, наверное, не пила этот проклятый раф. Или пила бы, но с двойной порцией ванильного сиропа, чтобы хоть как-то подсластить грядущие события.

В конце концов, когда ты обнаруживаешь мертвого председателя студенческого совета, сахар в крови — это последнее, о чем стоило бы волноваться. Но у меня, как у настоящего бариста, профессиональная деформация: я оцениваю любую катастрофу по шкале от «чай с лимоном» до «кофе с плесенью».

История началась в 8:47 утра.

Я стояла за стойкой кофейни «Воронка» — единственного места в кампусе Университета имени Попова, где можно было выпить нечто более-менее похожее на кофе, а не на го-

рячий компост из опилок. Запах обжаренных зерен смешивался с ароматом дешевого молока и всеобщего студенческого отчаяния. За окном моросил мелкий осенний дождь, превращая газон перед общежитием в болото, а студентов — в сонных зомби, выползающих на первую пару.

«Воронка» пахла корицей и молоком, и в этом запахе было что-то родное. Я знала каждую трещину на плитке, каждый скрип стула, каждую царапину на стойке — их оставила моя кофемашина за два года работы. Это было моё убежище от сессий, долгов и неудачных романов, которые заканчивались, так и не успев начаться. Здесь можно быть собой: дурачиться с постоянными клиентами, кормить Трофима украдкой от администрации и мечтать о том дне, когда вместо студенческого билета у меня в кармане будет диплом журналиста. Валя называла это «инфантильным эскапизмом». Я называла это «жизнью». Она была права, но я — счастливее.

— Крошкина, — раздался голос из угла. — Ты опять собрала эспresso на двадцать секунд дольше. Это уже не эспresso, это фильтр с претензиями.

(Эспresso готовится 25–30 секунд. Если дольше — из зерён вымывается горечь, и напиток становится похож на студенческий долг по зачётам: терпкий, противный и его слишком много. Валя это заметила. Она замечает всё. Даже то, что я пытаюсь скрыть.)

Взрогнув и обернувшись Валя — моя лучшая подруга, будущий хирург с лицом ангела и душой патологоанатома —

сидела за столиком у окна с книгой по анатомии и стаканом зеленого чая. Травяного. Без сахара. Она вообще считала, что кофе — это «жидкий депрессант для нервных неудачников».

— Валя, — ответила я, вытирая руки о фартук с логотипом в виде воронки (потому что логотип в виде циркуля был «слишком академичным»), — если ты продолжишь критиковать мою работу, я налью тебе растворимый «три в одном» из автомата на втором этаже.

— Ты не посмеешь.

— Я уже однажды спасла тебя от гриппа, залив в тебя литр имбирного латте. Не искушай судьбу.

Валя фыркнула и уткнулась в книгу. Наступила тишина. Только шипела кофемашина да за окнами барабанил дождь. Трофим — мой трехлапый кот, который уже полгода жил в кофейне нелегально, потому что в общежитии животных держать запрещено — дремал на подоконнике, свернувшись калачиком и демонстративно вылизывая свою единственную заднюю лапу. Он делал вид, что все происходящее его не касается.

Я как раз задумалась над тем, не добавить ли в свой раф еще одну порцию сиропа, когда дверь кофейни распахнулась с таким грохотом, что Трофим подскочил на полметра и гневно зашипел.

Внутрь влетела Вика Плюшкина — староста нашего потока, девушка с вечно паникующими глазами и прической, ко-

торая сама по себе была криком о помощи. Ее волосы, обычно собранные в тугой хвост, сейчас торчали во все стороны, как у человека, который только что пережил ураган. Или обнаружил труп. И ещё одна деталь, которую заметила сразу: она грызла колпачок от своей авторучки. Пластиковый, уже весь в следах зубов. Вика вечно грызла что-нибудь в стрессовых ситуациях — колпачки, карандаши.

— Алиса! — заорала она, не обращая внимания на очередь из пяти человек, которые ждали свои капучино. — Там... Там Егорий... Он... — Она не могла выговорить. — Он лежит!

Неосознанно переглянулась с Вале́й. Валя медленно закрыла книгу по анатомии, и в ее взгляде промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее профессиональное любопытство. Трофим настороженно прищурился.

— Лежит где? — спросила я осторожно, уже зная, что ответ мне не понравится.

— В парке! За библиотекой! Я думала, он спит, но он... Он не дышит! — Вика всхлипнула. — Я закричала, стала трясти его, а он... Он холодный!

Очередь за капучино замерла. Кто-то из студентов достал телефон и начал снимать на видео. Девушка с розовыми волосами, стоявшая первой, прошептала: «Это для тиктока?» — но я уже не слушала.

Подруга уже стояла, секунду помедлила, затем взяла со стойки коробку одноразовых перчаток, которые я держала

для уборки, и сунула их в карман своего белого халата. Она всегда носила халат даже на лекциях. Говорила, что это «тренирует ответственность».

— Пойдем, Крошкина, — сказала она, направляясь к выходу. — Твое эспрессо можешь оставить. У нас тут свежий пациент.

Я бросила взгляд на свою кофемашину, потом на Трофима. Кот посмотрел на меня с таким выражением, будто говорил: «Ну иди, иди, потом расскажешь». Сняв фартук, повесила его на крючок и выбежала вслед за Вале́й.

(Трофим — мой кот-инвалид. Три лапы, четвёртую потерял в драке с дворовым котом по кличке Мафиози, который до сих пор сидит на районе. Трофим считает себя главным экспертом по всем вопросам жизни. Я с ним согласна.)

Мы бежали через кампус под мелким противным дождем. Мои кеды — розовые, с потертыми носами и пятнами от молока, которые уже не отстирывались — противно хлюпали по лужам. Валя бежала молча, ее медицинские кроссовки уверенно разрезали воду, как корабль. Вика Плюшкина неслась впереди, размахивая руками, как заклинившая ветряная мельница, и периодически издавала звуки, отдаленно напоминающие истерику.

— Она не перестанет орать? — спросила Валя, не сбавляя шага.

— Она староста, — ответила я, пытаюсь не задохнуться.

— Она обязана орать по любому поводу. Это ее работа.

Парк за библиотекой был пустынным и мрачным. Мокрые кленовые листья, оранжевые и красные, липли к скамейкам, к дорожкам, к моим волосам. Серая громада библиотеки нависала над нами, как старый ворон, готовый склевать все живое. Ветер гнал по аллее ключья тумана. Если бы кто-то сказал мне, что это декорации к фильму ужасов, я бы поверила.

И там, на одной из скамеек, прямо под старым дубом, сидел... вернее, полулежал Егорий Князев.

Король студсовета.

Звезда университетских дебатов.

Человек, который прошлой весной докопался до бухгалтерии и выяснил, что ректор тратит бюджет не на «спортивный инвентарь», а по факту — на золотые краны для кабинета. Егорий тогда устроил скандал, и его чуть не отчислили. Но он выстоял. Он всегда выстаивал.

Сейчас он был бледен, как простыня. Глаза закрыты. Внешне — просто спит. Но голова свесилась набок, из полуоткрытого рта слегка сочилась струйка слюны, смешанной с чем-то еще. Не эстетично. А Егорий всегда был эстетичным. Даже в дебатах, когда он уничтожал соперников, он делал это с такой изящной жестокостью, что все вокруг восхищались его интеллектом, а не боялись.

— Он... Он просто спит, да? — всхлипнула Вика, стоя в двух метрах и не решаясь приблизиться. — Он просто устал, да? Он не спал три дня, он говорил, что у него бессонница,

он...

Валя не слушала. Она ловко присела на корточки рядом со скамейкой и, не тратя времени на «а вдруг он живой», нащупала пульс на шее Егория. Задержала пальцы. Помолчала. Ее лицо оставалось совершенно спокойным, как у человека, который видит это каждый день.

— Мертв, — сказала она ровно, без тени эмоций. — Пульса нет. Тело холодное. По ощущениям смерть произошла недавно, но точное время скажет экспертиза. Rigor mortis — трупное окоченение — еще не началось, но тело уже остыло. Температура воздуха сегодня шесть градусов, поэтому процесс ускорен.

(Валя сказала это так спокойно, будто речь шла о погоде. Rigor mortis — когда мышцы умершего становятся жёсткими. Начинается через 2–3 часа после смерти. Валя знает это из учебника. Я знаю это потому, что она рассказала мне за завтраком. Большие я никогда не буду есть яичницу по утрам.)

Я сглотнула. Желудок неприятно сжался.

— От чего?

Валя наклонилась к лицу Егория, принялась, как собака-ищейка. Затем аккуратно приоткрыла ему рот пальцем в перчатке и заглянула внутрь.

— Слизистая синюшная, — произнесла она, как будто диктовала конспект. — Зрачки расширены. Пахнет горьким миндалем. — Она подняла на меня глаза. — Есть призна-

ки, похожие на отравление цианидами. Но это только версия. Крошкина, звони в полицию. Тут не сердечный приступ и не усталость.

(Классическая детективная примета. Честно говоря, я никогда не нюхала миндаль в таком контексте, но Вале я верю. У неё нюх, как у ищейки. Причём не на колбасу, а на химию.)

Вика Плюшкина издала звук, похожий на паровозный гудок, и осела на траву. Ее явно стошнило. Я с трудом подавила желание последовать ее примеру.

— Цианид? — переспросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Валя, откуда у студента цианид? Это же... это же яд!

— Очевидно, Крошкина, — ответила Валя, вставая и стягивая перчатки. — Кто-то его отравил. Причем с умом. Цианид действует быстро, до получаса. Если его ввели с едой или питьем, но нужно точно понять время смерти. Где он был сегодня утром, вчера вечером, кто его видел — это уже не моя работа. Это твоя.

— Моя?!

— Ты журналист, — сказала Валя, и в ее голосе проскользнула легкая усмешка. — Или вроде того. Ты любишь совать нос в чужие дела. Вот и посуй.

Она помолчала, затем зачем-то заглянула в рюкзак Егория, который валялся под скамейкой. Рюкзак был расстегнут, и из него выглядывал край папки с бумагами. Валя ак-

куратно, заглянула внутрь.

— И знаешь... — протянула она, извлекая оттуда аккуратно кончиками пальцев странный предмет. — Тут лежат макароны. — Она подняла на меня глаза. — Сырные. Уже холодные. У тебя есть идеи, зачем председателю студсовета носить с собой макароны с сыром?

Я честно помотала головой.

У меня не было идей. Но, как вскоре выяснится, у кого-то были. И этот кто-то не гнушался ни цианидом, ни мокрыми макаронами.

Трофим, будь он здесь, наверняка бы хмыкнул и сказал: «Говорил же, что люди — глупые существа». Но кота со мной не было. Он остался в кофейне и, судя по всему, жил свою лучшую жизнь, не зная о трупах и отравлениях.

А я стояла под дождем и смотрела на Егория Князева, который еще вчера громогласно требовал от ректора отчет о расходах, а сегодня лежал с синюшными губами и холодными макаронами в рюкзаке.

Полицейские оцепили место. Я стояла под дождём и чувствовала, как вода затекает за воротник куртки, как холод подбирается к костям. И тут кто-то накинул мне на плечи сухую куртку. Я обернулась.

Следователь Астахов. Тот самый, что приехал на вызов. Молодой, красивый и до ужаса серьёзный, с тёмными глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Он не улыбнулся, не сказал ни слова. Просто посмотрел на меня, потом на

место преступления, потом снова на меня.

— Вы мокрая, — сказал он. — Простудитесь.

— Я в порядке, — ответила я, хотя зубы уже стучали.

Он не стал спорить. Просто кивнул и отошёл к своим людям, оставив меня стоять с его курткой на плечах. Она пахла табаком и дождём. И почему-то именно этот запах, а не труп или цианид, я запомнила потом надолго.

И где-то в глубине души я уже знала, что это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.